

Се Цзюнь очнулся в палате, где пахло сыростью и антисептиками, а взгляд уперся в ослепительно белые простыни. На соседней койке аккуратно, по-армейски, было сложено одеяло.

Это был военный госпиталь. Здесь царила стерильная простота, подчеркивающая жесткую дисциплину и учет. Никаких излишеств — лишь самое необходимое и одинокая лилия в вазе, обязательный атрибут больничной палаты.

Обстановка, одновременно старомодная и странным образом успокаивающая.

— А-Цзюнь! Ты как? — Ван Сяоцзин распахнул свои большие глаза, готовый в любую секунду броситься к кузену с объятиями. Последние два дня он места себе не находил от страха.

Се Цзюнь взглянул на свою правую руку, плотно зафиксированную бинтами, неуклюже пошевелился и перевел взгляд на брата.

Его голос прозвучал глухо и серьезно:

— Это ты рассказал Вэнь Цзюэ, что я пропал?

Заметив, насколько серьезен кузен, Ван Сяоцзин испуганно кивнул.

Се Цзюнь взглянул на свое запястье, где теперь было пусто, и замер. Опустив глаза, он проговорил с какой-то скованной горечью:

— Значит...

— О том деле... ты ей не сказал?

Ван Сяоцзин почесал затылок и поспешил заверить:

— Нет, об этом ни слова. В тот день я обнаружил, что чашки, которые мы продавали, — подделка, и тут же рванул на виллу Цзяошань. Только тогда понял, что тебя нет уже сутки. В панике я просто замая историю с чашками, сославшись на другое.

Ван Сяоцзин посмотрел на кузена, губы его дрожали, словно он хотел что-то сказать, но, наконец, решившись, выпалил:

— А-Цзюнь, может, попросишь госпожу Вэнь помочь тебе? Они постоянно требуют деньги, я боюсь, что если...

Се Цзюнь резко вскинул голову, отрезав:

— Нет!

Видя разочарование на лице брата, он покачал головой:

— Через пару дней съемочная группа выплатит мне две тысячи звездных кредитов. Возьми их и внеси залог, лишь бы нас не выставили из госпиталя...

— Кузен! — Ван Сяоцзин вскочил на ноги.

Он был одновременно зол и подавлен:

— Ты хоть понимаешь, где взять остальные десять миллионов? В этот раз мы кое-как наскребли, а в следующий?

— А через раз? Что делать, когда нас снова вышвырнут? Больница — это не благотворительная организация!

— Такие дорогие лекарства... правда... десяти лет уже более чем достаточно.

— Больше денег нам просто не потянуть.

Голос Ван Сяоцзина сорвался на плач. Он решил выложить всё до конца:

— Я столько лет кручусь в этой индустрии, но ни разу не видел, чтобы ты ложился под какого-нибудь босса ради контракта.

— Сейчас... просто позволь себе хоть немного расслабиться... — Ван Сяоцзин почувствовал себя последним ничтожеством. Он закрыл лицо руками и зарыдал.

Мужчина откинулся на подушки, его красивое лицо выражало глубокую безнадежность:

— Я не могу так поступить. Я не товар, чтобы продавать себя, Сяоцзин.

Продавать себя.

Эти слова звучали ужасно.

Ван Сяоцзин искренне жалел кузена. Тот начал работать в пятнадцать лет и тут же был обманут, оставшись без гроша.

Больше полумесяца они прожили в приюте, пока Се Цзюнь не нашел работу мойщиком посуды за две тысячи кредитов в месяц. Проработав год, он пропитался запахом жира и масла, не видя никакого будущего.

В тот день, когда кузен вернулся в родной дом, его одежда была в лохмотьях, и он, едва

переступив порог, обнял его и разрыдался.

— Сяоцзин... я никчем, не могу заработать денег... даже на булочку за один кредит не хватает...

— Что делать, если нет денег... без них... не выжить...

Два бедняка могли лишь обняться и плакать, но их слезы ничего не стоили.

Кузен не мог заработать, не мог накопить.

Все его деньги поглощала бездонная дыра госпиталя.

Двадцать лет назад планета W была полностью поглощена Имперской звездой и стала подконтрольной территорией. Однако до войны рабы, которым присвоил этот статус местный королевский дом, не успели получить свободу. Обитатели трущоб, пытаясь выжить, нелегально перебирались на Имперскую звезду, упустив шанс получить статус граждан после войны.

Без статуса гражданина невозможно было пользоваться медицинской помощью. Чтобы избежать правосудия, выходцы с планеты W вырезали себе клейма рабов и поколениями жили как подданные Империи.

Когда денег не было, кузен не мог даже купить ингибиторы омеги. Он просто отсиживался в полумраке подвала больше полумесяца, терял работу и искал новую.

Терял и искал.

Снова и снова, пока не придет смерть от голода.

Пока однажды, когда солнце светило особенно ярко, кузен не надел красивую одежду, которую он никогда раньше не видел.

Он схватил его за плечи и с восторгом сказал:

— Сяоцзин, иди учиться, иди учиться, я оплачу твою учебу!

Деньги. Как же они важны.

Они позволили кузену выбраться из темной кухни, пропахшей жиром, помогли заткнуть бездонную дыру госпиталя и дали ему шанс на образование.

Люди считают разговоры о деньгах вульгарными и меркантильными.

Только Ван Сяоцзин знал: деньги — это соломинка, за которую они цепляются, чтобы не задохнуться в этой жизни.

— Я не это имел в виду... я... — Ван Сяоцзин был весь в слезах, но плакать больше не мог.

За эти десять лет он прекрасно понял, сколько может заработать популярный артист.

Но этого было мало.

Далеко не достаточно.

— Я просто подумал, что ты нашел выход, кузен.

В тот день, когда Ван Сяоцзин был на вилле Цзяошань, он прождал с тем богатым офицером весь день, с утра до глубокой ночи. Вэнь Цзюэ не уходила, она не сделала ни шагу прочь.

Она просто сидела на диване, ожидая с самым спокойным и мягким выражением лица.

Если игры богачей выглядят именно так, то искренность в их глазах вовсе не кажется дешевой.

Очевидно, что та богатая женщина дрогнула.

*

Ветер за окном, несущий снег, был холодным, но он прояснял мысли Се Цзюня.

Прояснял до боли.

Он смотрел в окно, вдыхая тошнотворный запах антисептиков, и старался сжаться под одеялом, тщетно пытаясь отгородиться от этого воздуха.

Когда Вэнь Цзюэ вошла в палату, он все еще был погружен в свои мысли.

Лишь когда женщина подошла к окну и закрыла щель, Се Цзюнь очнулся. Он лениво прикрыл глаза и произнес безразличным тоном:

— Госпожа Вэнь постоянно меня контролирует. Если я когда-нибудь буду жить один, у меня возникнет протест — просто из-за того, что вы открыли окно.

Лицо мужчины на больничной койке восстановилось, на бледной коже проступил легкий румянец, но перебинтованная рука разрушала это хрупкое очарование.

Сегодня Вэнь Цзюэ была без формы — на ней было пальто цвета верблюжьей шерсти и белый кашемировый свитер с высоким горлом.

Острота и холод, присущие альфам, смягчились благодаря ее сдержанному внешнему виду. Запах ее феромонов по-прежнему не ощущался — Се Цзюнь почти подозревал, что она круглый год колет себе мощные ингибиторы.

— Тебе лучше? — Вэнь Цзюэ протянула ему стакан воды. Вопрос был лишен как близости, так и отчужденности.

Се Цзюнь, не услышав в обращении формального титула, почувствовал, как на душе стало сладко. Он слегка приподнял бровь, и в его персиковых глазах заиграла улыбка:

— Рука болит...

— М-м... и пить хочется. — Мужчина воспользовался моментом, подавшись вперед и подставив покрасневшие губы.

На мгновение его взгляд встретился с миндалевидными глазами Вэнь Цзюэ, словно он попал в ловушку, в которую сам же и забрел.

Губы были сухими, сердце бешено колотилось.

Се Цзюнь прошептал:

— Я сошел с ума.

— Я правда сошел с ума...

Его рука нащупала стакан в руках женщины.

Кончики пальцев обожгло жаром, а стенки стакана были холодными.

Вода коснулась губ, стекла по горлу, но ее температура была такой приятной, что он погрузился в этот момент, не в силах прийти в себя.

— Кха-кха... — Се Цзюнь поперхнулся, вода потекла по линии губ на белоснежную шею, а затем под воротник больничной пижамы.

Большое пятно намокло.

— Пей медленнее, — Вэнь Цзюэ взяла стакан.

И на глазах у мужчины, чьи зрачки расширились от неверия, она медленно провела подушечкой пальца по его губам, стирая капли воды...

От линии подбородка до горла.

Легкое поглаживание — то ли из любопытства, то ли из привязанности.

Мозоли на пальцах Вэнь Цзюэ, привыкших жать на спусковой крючок, нежно, но настойчиво скользили по нежной коже омеги, заставляя того вцепиться в одеяло. Он был как юноша, ожидающий награды от возлюбленной, затаив дыхание и не зная, чего ждать.

— Больше... восьмого дня не будет, да? — голос омеги неожиданно стал мягким и хриплым, вокруг глаз разлился румянец, он смутился.

— Тот семидневный график... вы ведь больше не будете его придерживаться? — он ждал, но чего? Наверное, того, что человек, верный своему слову, нарушит собственные запреты.

Ради него.

Это было похоже на объявление всему миру, это будоражило и казалось романтичным.

Вэнь Цзюэ оставалась мягкой, ее пальцы были нежны, они раздували огонь.

— Привычка...

— Надо подумать.

Как только она закончила фразу, ее пальцы замерли, готовые отстраниться.

Се Цзюнь, словно неопытный юнец, поддался порыву и схватил ее за руку. Она не сделала ни движения, но его охватило напряжение от собственной дерзости.

Он решил идти ва-банк.

— Будьте со мной каждый день! — сказал он прямо, но искренне.

Все же немного стесняясь, он отвел взгляд:

— Раз вы сказали...

— То не можете отступить.

Се Цзюнь услышал тихий смех и понял, что его разыграли. Он прищурился и отпустил руку. Оказалось, это не игра в кошки-мышки, а просто позволение феромонам омеги свободно распространяться.

Он медленно потянул Вэнь Цзюэ за воротник пальто, и женщина-альфа без сопротивления подалась вперед, сокращая дистанцию до того, как их дыхание смешалось. Се Цзюнь в свете простых больничных ламп выглядел особенно уязвимым.

— Госпожа Вэнь, первый взгляд.

— Первый взгляд я подарил вам.

Актеру несложно изобразить искренность, но когда в ней сквозит обжигающая страсть — это уже не игра.

— Вы знаете, когда я выгляжу лучше всего? — Се Цзюнь не скрывал, как его тело откликается на феромоны, покрываясь легким розовым налетом.

— Когда... — он наклонился к ее уху и прошептал:

— ...я в постели.

Его губы дрожали, когда он осторожно, с любовью коснулся мочки уха альфы.

— Вы ведь пробовали.

Се Цзюнь сошел с ума. Он действительно сошел с ума.

В военном госпитале, в месте, где после армии собирается больше всего альф. В среде, где любой выброс феромонов омеги — это смертельная опасность.

Се Цзюнь обнажил нежную железу, сплетая для нее невидимую сеть, а его белоснежная шея стала высшим воплощением желания.

— Ты хочешь, чтобы я тебя пометила.

Улыбка Вэнь Цзюэ была ни холодной, ни теплой, она просто констатировала факт.

Ее вежливость и воспитание, которые не позволяли ей оттолкнуть мужчину-омегу, рассыпались, как пена.

Се Цзюнь, уже одурманенный, лишь тихо промурлыкал:

— Да...

Он мечтал прижаться к ней всем телом. Даже не чувствуя запаха ее феромонов, он тянулся к Вэнь Цзюэ, не в силах совладать со своим периодом уязвимости.

Это было естественное притяжение омеги к альфе.

Его притяжение к Вэнь Цзюэ.

— Через минуту альфы, учуявшие феромоны омеги, разорвут меня на части.

Се Цзюнь моргал глазами, выглядя невинно, даже несмотря на то, что сам это устроил. Он был послушным котом, опустив голову и тяжело дыша, подчиняясь Вэнь Цзюэ, предаваясь своим чувствам и ожидая милости альфы.

— Страшно? — Вэнь Цзюэ вдруг провела пальцем по линии его бровей, словно рисуя контур.

— М-м? — его голос изменился, когда женщина игриво коснулась его подбородка.

— Страшно... — Се Цзюнь был в ужасе. Он только сейчас осознал разницу между ними, но не мог контролировать свое тело. Ему было страшно, и одновременно он жаждал этого.

Вэнь Цзюэ внезапно показалось, что этот дерзкий омега ничем не отличается от остальных. Он такой же трусливый и слабый. Она потеряла всякий интерес, потеряла...

— Боюсь, что вы не сможете сдержаться. — Се Цзюнь даже сейчас умудрился улыбнуться. Его черты лица были мягкими и прекрасными.

Вэнь Цзюэ замерла. Весь ее контроль, все предопределенные финалы рухнули.

Разбитые буддийские четки, стойкая, истекающая кровью слабая фигура, нарушение данных обещаний, дерзкое искушение.

Все козыри Вэнь Цзюэ были сметены со стола. Она только сейчас поняла, что поставила на кон всё, что было за пределами ее безопасной зоны.

Она хотела этого омегу.

Так думала Вэнь Цзюэ.

Он должен принадлежать ей. Всё — его тело, железа, каждый вздох... это была болезненная одержимость.

В комнате стало до ужаса тихо, слышно было лишь дыхание.

А снаружи, в коридорах госпиталя, нарастал хаос, слышались тяжелые шаги и безумные вопли потерявших контроль альф:

— Омега выпустил феромоны!

— Где он! Кто это!

— Схватить и разорвать омегу, нарушающего порядок!

Это было похоже на сирену. Это было похоже на желание.

<http://bllate.org/book/21233/2148336>